

Семь дней — 2003 — 29 сент. — 5 окт. — с. 76 — 83
ФОТО ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ МХАТ

МИЛЫЙ ЛЖЕЦ ВАСИЛИЙ КАЧАЛОВ

«Будущий Качалов» — именно так называют особо одаренных начинающих актеров. И это при том, что Василий Иванович Качалов в кино почти не снимался, а тех, кто видел его гениальную игру на сцене МХАТа, с каждым годом остается все меньше. Зато про этого великого человека сохранилось множество легенд...

Рассказывают, что Качалов был на редкость самокритичным человеком, перед премьерами каждый раз чудовищно мучился, а на расспросы близких отвечал: «Сомневаюсь — актер ли я?» А еще рассказывают, что Василий Иванович был очень щедр и, когда один молодой актер МХАТа заболел туберкулезом, скинул с товарищами и целый год содержал больного в Нищен, пока тот не поправился. Еще рассказывают, что Качалов был феноменально деликатен. Например, не решился уволить горничную, которая продавала качаловским поклонникам его носки по 10 рублей за штуку (носовые платки — по 20) и нажила таким образом чуть ли не состояние. Еще существует легенда о том, как Качалов разговаривал по телефону. Якобы даже во время сосредоточенной работы он не умел подавить любопытства, когда раздавался звонок. «Слушаю!» — говорил великий артист визгливым голосом

несуществующей домработницы и ждал, что на том конце провода представятся. Если представлялись, Качалов имитировал звук приближающихся шагов, басом откашливался и говорил уже от себя. Если не представлялись... делал то же самое, потому что спрашивать, кто говорит, он считал неприличным. Все любили Качалова и почитали его не способным никому причинить зла. Но случается, что именно такие люди — щедрые, великодушные и тактичные со всеми на свете — невольно доставляют страдания своим близким...

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

1930 год. Все смешалось в доме Качаловых! Нине Николаевне Литовцевой — жене Василия Ивановича Качалова — попало в руки письмо актрисы Ольги Пыжовой к ее мужу. Тридцать лет Нина Николаевна считала свой брак счастливым, а теперь обнаружилось, что ее счастье было иллюзией!

Оказывается, Васенька легко ей изменял, и где?! В их общей супружеской квартире! Ольгу Пыжову Нина когда-то сама ввела в свой дом, и та месяцами жила у Качаловых на даче, пользовалась дружбой и полным доверием хозяйки. В конце концов Ольга оставила на ее попечение свою дочь — тоже Оленьку («Ах, Нина, мне сейчас решительно негде разместить ребенка! А у вас она привыкла!»)... А может, интрижка с Ольгой у мужа не первая? Ведь раньше, точь-в-точь как Пыжова, на их даче в качестве подруги семьи месяцами жила актриса Тамара Дейкарханова. Наполовину армянка, наполовину француженка, очень талантливая, очень хорошенькая, очень дерзкая — она могла сказать молоденькому офицеру, пригласившему ее на тур вальса: «У меня от танцев ноги очень потеют!» Так, может, и Тамара тоже? Нина Николаевна не знала, как ей все это пережить...

Василий Иванович был призван к отве-

ту. Впрочем оправдываться не стал — внешне он хранил невозмутимость (Качалов вообще был человеком на эмоции скучным, хоть и смешливым). И теперь Василий Иванович даже виду не подал, что недоумевает: он был уверен, что уже несколько лет жена просто соблюдает приличия, а на самом деле прекрасно знает о его связи с Пыжовой, знает, что маленькая Оленька — от него, и считает такое положение дел правильным и справедливым. Это было бы вполне в духе Нины: раздражительная и вспылчивая по мелочам, в жизненно важных вопросах она всегда проявляла мудрость. А вот поди ж ты! Постаревшая и подурневшая, давно и безнадежно нездоровая Нина Николаевна, оказывается, ревнует его и не хочет уступать своих прав! Если б ему не было так пронзительно жалко жену, Качалов смеялся бы над этой ситуацией. Ведь Нина когда-то любовно называла его «истинным Стивой

Облонским», и вот теперь в их семье все сложилось в точности как у Облонских в «Анне Карениной» (рано постаревшая жена и моложавый муж, не мыслящий жизни без любви хорошеньких женщин)...

1906 год. «Мы снова пропили и проугощали очень много денег», — сокрушалась Нина (тогда еще молодая и очень хорошенькая), обнаружив, что по причине широты души ее мужа семья снова осталась на бобах. В театре Качалову платили тысячу рублей в месяц — огромная сумма! Но ни счетов в банке, ни бриллиантов или каких-либо иных ценностей у семьи так и не появилось. На хозяйство, на обучение сына Вадима и другие насущные расходы оставалось от силы рублей 300, да и то из них Василий Иванович легко мог дать кому-нибудь в долг. Остальные 700 рублей Качалов тратил на свой гардероб, карманные расходы и нужды гостеприимства.

Дом Качаловых прозвали «бесплатным трактиром». Каждую ночь, часам к 12, народ набивался в гостиную — прийти мог кто угодно, без приглашения. Много спорили, пели под гитару, дремали на диване и, конечно, бесконечно много хохотали. В устах Качалова характеристика «несмешной» была убийственной! И люде-то Василий Иванович делил на «смешных» и «неприятных». Вот, к примеру, Владимир Иванович Немирович-Данченко (актеры звали его В. И.) был смешным.

«Сегодня на репетиции Актриса N надерзила В. И., — рассказывал Качалов гостям. — Тот несколько секунд держал паузу, потом, вскрикнув «ай, ай, ай!», стал кружиться вокруг своей оси и бить ладонями по бедрам. Потом сорвал с себя пиджак и ну топтать его ногами! Я удивляюсь: в первый раз вижу его в таком страшном гневе! А оказалось, в кармане у В. И. загорелись спички. И на пиджаке, и на брюках вот такие дыры!» В другой раз Качалов рассказывал, как Немирович-Данченко присел элегантно на край режиссерского столика, а тот опрокинулся, и на В. И. полетели графин, чернила, настольная лампа. Или как В. И. в задумчивости дунул в портсигар и запылил себе глаза. «Ну почему подобное случается со мной обязательно в присутствии Качалова?!» Гости умирали со смеху.

Четыре раза в сезон Качаловы давали званый вечер стоимостью по 200 рублей каждый. Василий Иванович завешивал окна и останавливал часы — чтоб гости не замечали рассвета и долго не расходились. Пили водку и сваренный в двух ведрах крюшон из белого вина, фруктового отвара и шампанского. Ели заливную белугу, раковые шейки, варенные в вине, омаров, устриц, медвежий окорок. В 10 утра подавали яичницу с черным хлебом (опять под водку), потом пора было отправляться на репетицию.

С женой Ниной Литовцевой. 1902 г.

\$55*

Profi 1500

- ▶ Цифровая технология DECT
- ▶ GAB — вместимость до 6 трубок на одной базе
- ▶ Двусторонняя функция «спикерфон» на трубке
- ▶ Многофункциональный ЖК-дисплей с голубой подсветкой
- ▶ Телефонная записная книжка на 40 имен и телефонов
- ▶ Повторный набор 10 последних номеров

\$45*

Select 3300

\$33*

Pronto 100

\$17*

Le Phone

\$23*

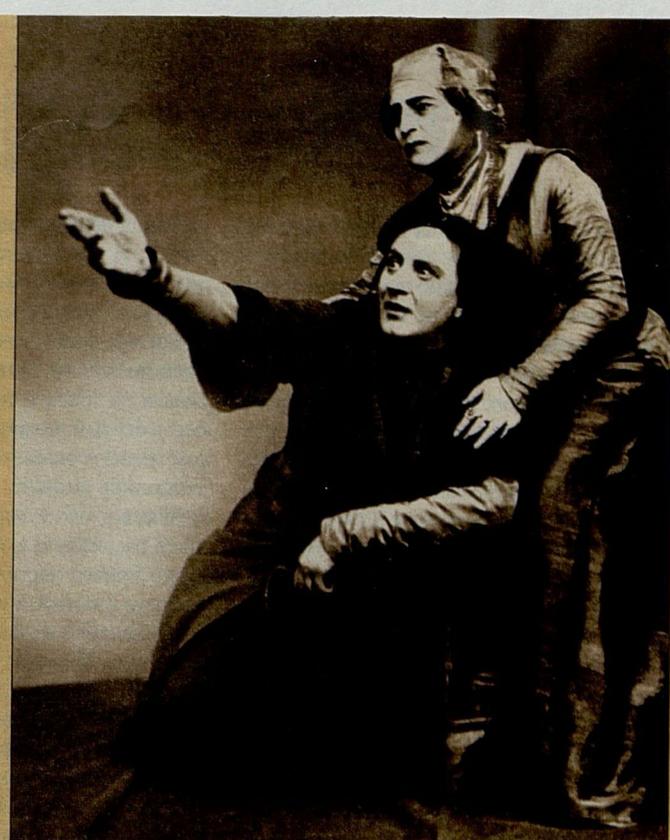

Breeze 450

Даже в январе в кабинете Качалова благоухали пармские фиалки и розы из Нишцы. «Не понимаю, почему тебе дали играть Каренина? Ты же настоящий Стива Облонский! Такой же хлебосол, сибарит и транжир, а до мелких семейных нужд тебе и дела нет», — Нина Николаевна не знала, смеяться ей от всего этого или плакать. И все же она предпочитала смеяться — она же сама не какая-нибудь «настоящая Долли Облонская» — скучная, вечно озабоченная хозяйством, обманутая и нелюбимая жена! Напротив, Нина — умница, аристократка, красавица! И Качалов любит ее, восхищается ее красотой. Нина Николаевна со смехом рассказывала гостям, как летом они с Васенькой ездили к его родне в Вильно. Свекр долго рассматривал Нину с ее породистой горбинкой на носу, с ее темными жгучими глазами, с ее тонким прямым станом и в конце концов вздохнул: «Ничаво! Васька тоже някрасивый!»

Роль Берендея в «Снегурочке» прославила 25-летнего Качалова. (1900 г.)

Гамлет — Качалов, Гертруда — Ольга Книппер-Чехова (1911 г.)

Василий Иванович в своей гримерке (в гриме для спектакля «Враги»). 1936 г.

ПОЗОРИЩЕ

Красивыми, по мнению Васиного отца — священника Иоанна Шверубовича, много лет имевшего приход в Вильно и полностью разделявшего местные эстетические пристрастия, были старшие сыновья — дородный, румяный, высокий (выше 190 сантиметров) Анастасий в чиновничьем мундире, а еще лучше — Эразм, восьми пудов веса, рост все 2 метра, красные щеки и нос, да усы с подусниками, да парадная форма Приморского драгунского полка! Васенька же, по мнению отца, и ростом выдался невысок (всего 185 см), да и вообще как-то жидковат. А уж ремесло

себе выбрал — не приведи Господь! Стыдясь младшего сына, отец Иоанн на расспросы соседей отвечал туманно: так, мол, по ученой части пошел...

Однажды мать Качалова прочитала в газете театральную рецензию, которая называлась «Князь — В. Качалов — убил свою жену». Не разобралась, перепуталась, переполошила мужа. Заглянув в газету, тот ругнулся: «От дура! Так то же на позорище!» (театр отец Иоанн называл не иначе как по-старославянски и относился соответственно). «Мало ли Ваську в детстве порол», — сожалел Шверубович-старший. На самом деле он порол Ваську предостаточно. Например, когда мальчишка тай-

ком от родителей пошел слушать оперу «Демон», а на следующий день и сам, вырядившись в «рубище духа изгнания» (старую отцовскую рясу), распевал: «Я тот, кого никто не любит», сидя на «пустынной скале» (на высоком шкафу в детской). И это даже пусть, это за дело! Но бывало, что отец лупил Василия ни за что, впрок, так сказать, профилактически. Особенно сильно, когда дядя наказуемого — родной брат Иоанна, тоже провинциальный священник Христиан Шверубович — по глупости лишился сана, в один прекрасный день решив повторить чудо хождения по воде аки по суху. В праздничном облачении, с чашей святых даров, отплыл отец

Христиан на лодке на середину реки и ступил за борт. И, конечно, не будучи святым, пошел ко дну. Насилу спасли, а вот чаша со святыми дарами так и утонула. Отец порол Ваську и поучал: «Не гордись, руби сук по себе и о несбыточном не мечтай». Но порка не помогла. С того самого похода на «Демона» Василий мечтал именно о несбыточном, точнее — о сцене!

В 1895 году двадцатилетний Василий направился в Петербург — якобы изучать юриспруденцию. Он даже поступил на юридический факультет университета, но параллельно стал искать театрального антрепренера. Разумеется, предварительно купив цилиндр, чтоб было в чем играть аристократов («Русский актер состоит из души, тела и цилиндра», — шутили в те годы). Впрочем, Качалова взяли бы и без цилиндра — он сказочно хорош собой: глаза с интересной близорукостью, очень светлые волосы — помесь серебра с золотом, ладная фигура, а главное — глубокий, мягкий голос. Естественно, скоро нашелся антрепренер, который всем этим заинтересовался:

— Для начала могу предложить 50 рублей. Только вот что, господин Шверубович, перемените фамилию. Вы еврей?

— Совсе нет, русский. Мой дед при поступлении в семинарию взял фамилию Херувимов, а уж прихожане изменили ее на белорусский лад.

— И все же фамилия тяжеловата.

Василий заглянул в лежавший на столе номер газеты «Новое время» — в глаза бросился некролог: «Такого-то числа почил в бозе Василий Иванович Качалов». Усмехнувшись, Вася подписал свой первый в жизни контракт фамилией неизвестного тезки.

Уже после третьего театрального сезона он играл бенефис в Казани. Успех был громким. Одна восторженная барышня караулила полночи у его гостиничного номера, чтобы улучшить момент, прокрасться потихоньку и срезать с головы спящего кумира дивной красоты локонов... Да что барышня! Критики, и те были покорены — впрочем, Качалова хвалили не больше, чем

**КАТАКЛИЗМЫ
ЛИЧНЫЕ И МИРОВЫЕ**

инженю, с которой он познакомился в казанском театре. И отправился по месту новой службы. В тот день собралась вся труппа Московского Художественно-общедоступного — всем охота было посмотреть на 200-рублевого актера. Качалов отыграл сразу две роли из «Смерти Иоанна Грозного». Расстроенный Станиславский сказал: «Вы — чужой. Чужой! Может быть, года через два-три вы освоитесь с нами, поймете нас, примете то, что у нас. Но сейчас вы — чужой!» И дело было даже не в том, что Качалов говорил с акцентом («чатыре», «няздешний»). Просто в труппах, где он раньше работал, считалось высшим шиком «отжарить роль под суфлера», без подготовки, а лучшей игрой признавалась декламация. Несколько месяцев Качалов прожил странной жизнью: исправно получал жалованье, ходил на репетиции, а работать — совсем не работал. Ролей ему не давали.

К счастью, в конце концов Станиславский решил испытать Качалова еще раз, доверив ему почитать на репетиции роль царя Берендея в «Снегурочке», и выяснилось, что двух-трех лет не понадобилось. Очень скоро Москва рукоплескала молодому актеру. Со временем Качалов перевез из Казани и устроил в Художественно-общедоступный и свою невесту, кстати, коренную москвичку. В Москве Нина — ловкая, подвижная, очень отважная — неожиданно увлеклась политикой, участвовала в подпольной работе РСДРП, шныряла с заданиями по всему городу, который знала не хуже любого извозчика. Дома у Качаловых скрывался Николай Бауман. Из-за всего этого и сам Василий Иванович — аполитичнейший человек — угодил под надзор охраны. И хотя Нина

Нина Николаевна Литовцева. 1908 г.

каждый сезон кого-нибудь хвалят в провинции. Бывало, что те, кого похвалили — цветущие, нарядные, — поверив в свои силы, уезжали в Москву на актерскую биржу. Про таких все та же Ольга Пыжова писала: «Мужчины щеголяли серебряными портсигарами с золотой монограммой, спичечницами с эмалью, тростями с ручками в виде серебряной русалки. Женщины звенели браслетами, из высоких причесок падали черепаховые шпильки. «Поклонника

теряете!» — «Ах», — страдальчески-загадочные улыбки морщили губы, подтекст: «Не страшно, их столько!» Через несколько месяцев все было иначе. То, что пахло еще недавно вежеталью, бриолином, одеколоном, начинало вонять грязными волосами, никотином и кислой капустой. Голоса не рокотали и не журчали, а с сипловатым свистом сквозь зубы сволочили мерзавцев-антрепренеров».

Двадцатипятилетний Василий Качалов был вполне удовлетворен своей провинциальной славой и о Москве не помышлял. Тем чудеснее выглядит то, что произошло: из Москвы ему пришла телеграмма от Немировича-Данченко с предложением места в Художественно-общедоступном театре (МХАТом он стал называться гораздо позже, уже при советской власти) — великому режиссеру попала на глаза провинциальная газета, где Качалова называли гением сцены, и он почему-то газете поверил. Любой актер скажет, что чудо это не менее небывалое, чем то же хождение по воде! «Только не продешевите!» — советовали Качалову коллеги. У них, провинциальных актеров, бытовали совершенно мифические представления о столичных театральном гонорах. Вот Качалов и послал в Московский Художественно-общедоступный телеграмму, о которой ему потом стыдно было вспоминать: «Согласен при условии 250 рублей в месяц». Телеграмма весьма озадачила Немировича-Данченко и Станиславского: их театр только зарождался, Ольга Книппер-Чехова и Всеволод Мейерхольд, игравшие лучшие роли, получали в те времена по 100 рублей в месяц. А, к примеру, Иван Москвин получал 75... Спроси кто-нибудь тогда у Станиславского, почему он вдруг взял да и телеграфировал актеру, которого в глаза не видел: «Согласен на 200», Константин Сергеевич и сам вряд ли смог бы объяснить.

Приехав в Москву, Качалов первым делом снял комнату, достал из саквояжа штук десять дорогих фотографических портретов любимой — Ниночки Литовцевой, актрисы на ампула драматической

Василий Иванович с сыном Вадимом. 1904 г.

R2

YOUR STYLE NOW

МАГАЗИНЫ ОДЕЖДЫ:

ТК «Охотный ряд», г. Москва, Манежная пл., д. 1, стр.2, (095) 737-8309

«МЕГА», 21 км. Калужского шоссе, м. «Теплый Стан», (095) 775-7789

ТК «Золотой Вавилон», г. Москва, ул. Декабристов, д. 12, м. «Отрадное», (095) 745-5094

ТЦ «МетроМаркет», г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 76, м. «Сокол», (095) 781-4094

ТК «Крокус Сити Молл», 65-66 км. МКАД, Строгино, (095) 727-1976

г. Санкт-Петербург, «R2» Невский пр-т, д. 92, (812) 273-8901

г. Самара, «Мегакомплекс на Московском», 18 км. Московского шоссе, (8462) 778624

г. Тольятти, ТЦ «Русь», ул. Революционная, 52А, (8482) 711641

г. Красноярск, ТЦ «Свободный», ул. Телевизорная, д. 1, стр. 4, (3912) 492625

www.r2trend.com

Ольга Пыжова. 1923 г.

быстро разочаровалась в коммунистической идее, при советской власти Качаловых считали лояльными и не притесняли.

Зимой 1907 года Нина простудилась. Насморк перешел в воспаление среднего уха, понадобилось сделать две трепанации черепа. Потом началось заражение крови, и Нине пришлось пережить еще 3 операции на бедре. Пока жена болела, Качалов по ночам в тоске одиночества пил коньяк и пропитывал этим же коньяком сахар для любимого пса Джипси — оба быстро хме-

тели и засыпали. Вообще собак у Качалова в доме перебивало множество. Василий Иванович ни воспитывать, ни наказывать их не умел и дружил с ними, как дружат с людьми — на равных. Собакам это вовсе не шло впрок. Например, Джим, которого увековечил Есенин («Дай, Джим, на счастье лапу мне, Такую лапу не видал я сроду!»), вдруг стал всех грызть, и Качалов отдал его «в более крепкие руки», то есть одному мещанину, сторожить на цепи дом.

Со временем здоровье Нины стало налаживаться. Сначала она ходила, двигая перед собой скамеечку. Потом с двумя палками, потом с одной, потом с зонтиком с особо крепкой стальной основой. Нина Николаевна снова начала ходить по гостям, принимать у себя. А вскоре ее пригласили преподавать в драматической школе. Но, конечно, прежней Литовцевой она не стала. О сцене, о дальних прогулках, о танцах, о новых детях (хорошо еще, что у Нины уже был 6-летний Вадим!) нечего было и мечтать. Вместе со здоровьем утратила она и безупречную красоту. Сам же Качалов по-прежнему имел грандиозный «мужской» успех — после роли Глумова в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» у него завелось уж и совсем несметное число поклонниц. Прохода не давали не только самому Василию Ивановичу, но и его сыну: «Твой папа красавец! Дионис! Апполон! Милый! Милый!» Сезон 1909—1910 вообще был для Качалова очень удачным. Кроме Глумова он сыграл еще Анатэму — дьявола, страдальца, бого-

Ольга Ивановна с дочерью Ольгой. 1970 г.

борца. Коллеги рыдали от переполнявшего их восхищения, а гувернантка Вадима мадам Перера (толстая, усатая, очень набожная испанка) побледнела, закрестилась и больше никогда не садилась с Качаловым за один стол обедать...

Летом 1914 года Качаловы отправились путешествовать, причем Василий Иванович — по одним странам Европы, а его семья — по другим. Когда началась Мировая война, Качалов оказался в Берне, а Нина Николаевна с сыном — в Милане.

Италия еще не воевала, но она была в союзе с Германией, и Нина умоляла мужа быстрее приехать за ними и увезти в Россию. А Качалов все слал и слал телеграммы: «20-го буду в Милане», «Обстоятельства изменились. Буду 21-го», «Приехать не смогу. Срочно выезжайте поездом в Берн», «Воздержись от отъезда! 23-го буду в Милане» и так далее. В результате Нину Николаевну и Вадима из Италии в Швейцарию, прямиком в объятия к Василию Ивановичу, доставила... итальянская по-

таб —
квартира

Журнал

Актеры МХАТа (слева направо): И. М. Москвин, В. И. Качалов, Н. В. Петров, Е. П. Корчагина-Александровская, Н. П. Хмелев. 1938 г.

лиция, приняв 14 качаловских телеграмм за шпионские шифровки.

Вернувшись в Москву, Нина записалась на курсы сестер милосердия и в мае 1915 года уехала с санитарным отрядом на фронт, в Галицию. Она писала сыну интереснейшие письма, в которых русскую армию называла Сергеем Николаевичем (для конспирации). Дела на войне шли плохо. Сергей Николаевич отдал врагу Польшу, Литву, Белоруссию. На фронт стал проситься и 14-летний Вадим.

Когда Вадим родился, Качалов записал в дневнике: «Димка — на свете!» Василий Иванович любил сына сильно, но от участия в воспитании как-то сразу отстранился. Такой уж Качалов был человек — умел общаться только на равных... Кстати, Вадим с раннего детства звал отца Васей. Когда у Качалова находилось время, они говорили друг с другом о театре, рассказывали анекдоты, а когда гуляли, обсуждали женщин, которые попадались им навстречу. Но чаще общение сводилось к ежевечернему ритуалу проводов Качалова на спектакль. Ровно в половине седьмого вечера среди абсолютной тишины в доме Василий Иванович выходил из своей ком-

наты, выпивал стакан очень крепкого холодного чая, брал портсигар, куда Вадим уже уложил душистые папиросы, и защелкивал его о голову сына с громким стуком (но, конечно, совершенно не больно). В ответ получал шушливый шлепок по задку и быстрыми шагами шел в переднюю одеваться — глаза Качалова уже смотрели куда-то мимо...

К огорчению Василия Ивановича, подросший Вадим не обладал актерским талантом. Его стремление заполучить офицерские погоны было для Качалова странным и чуждым, но отговаривать сына он не стал. Тем более что до призывного возраста Диме оставалось еще несколько лет. А потом случилась революция, и русская армия, со всеми своими золотыми погонами, белыми парадными мундирами, офицерской честью, оказалась очень далеко от Вадима Шверубовича.

Новый 1919 год встречали у Станиславских. На столе — большой пирог из темной муки с начинкой из конины, распаренная вобла, печенье из картофельных очисток. Пили разведенный спирт-сырец, пахнувший денатуратом. На будущее смотрели с робким оптимизмом. У Станислав-

ского родилась мысль: всем театром, с семьями двинуться в сытые места.

Первый гастрольный город — Харьков. Здесь есть сметана, творог, мед, белый хлеб. Актеры потолстели, порозовели... Но гастроли пришлось прервать — в Харькове начались бои, наступала Добровольческая армия Деникина. Когда белогвардейцы заняли город, Вадим Шверубович (ему как раз стукнуло 18) записался добровольцем. Потом Белая армия стала отступать, и актеры разделились — одни остались в Харькове с тем, чтобы потом вернуться в Москву, другие бежали с Деникиным на юг. У Качаловых не было выбора — им нужно было найти сына. В конце концов они его нашли — на вокзале в одном крохотном городке, с температурой 41,8, погибающим от тифа. Пользуясь всеобщей неразберихой, родители выдали его за некоего артиста Вадимова и забрали к себе.

Вскоре борьба за Россию кончилась. Красные победили, а Качаловых вместе с тремя десятками актеров Московского Художественного занесло в эмиграцию. Василий Иванович боролся с собой: с одной стороны, он знал, что вне России его искусство потеряло смысл. С другой стороны, боялся возвращаться: в Москве-то теперь и рубашки не купишь, и ванны с душистыми солями не примешь, и такси одним пальцем не подманишь... Дело решило Станиславский с Немировичем-Данченко, написав эмигрантам-мхатовцам письмо с просьбой вернуться во имя театра. Вернулись почти все, а Качалов — первым! Несколькими месяцами Василий Иванович прожил удивительно скромно и строго. Впервые за долгий срок он почти совсем не пил и не замечал хорошеньких женщин.

ПРОЩЕНИЕ

А потом в его жизни появилась Ольга Пыжова. Они познакомились на сцене — молоденькой дебютантке доверили роль француженки в пьесе Тургенева «Где тонко, там и рвется». Приближалась сцена

игры в фанты. М-ль Бьенеме, выдерживая билет, должна была обратиться к одному из гостей: «Каспадин Станицын». И тут Ольгу осеняет: «А скажу-ка я «Штаницын». Это будет смешнее, эффектнее». Так и сделала. Публика смеялась, Ольга с веселым оживлением взглянула на Качалова. Никакого одобрения на его лице не было и в помине. Его глаза как-то вдруг посветлели, стали как будто прозрачными. «От гнева», — поняла Ольга. И, конечно, расстроилась — с первых же шагов по глупости нажать себе врага! А ведь ее предупреждали: при всей своей невозмутимости Качалов становится гневлив, когда кто-то осмеливается оскорблять Высокое Театральное Искусство!

Но в 1922 году, на гастролях МХАТа в Америке, Пыжова близко подружилась с Ниной Николаевной, а уж та сумела помирить подругу с Василием Ивановичем. Вскоре Качаловы стали для Ольги просто Ниной и Васей, и по возвращении в Россию она часто бывала у них. И все же Ольга жаловалась Нине: дескать, она боится оставаться с Васей один на один. Такое странное чувство... Как будто она чего-то стесняется или просто никак не может попасть в такт... А однажды Нина с Ольгой сидели в гостиной, вдруг в передней послышалась возня: Вася вернулся со спектакля. «А Ольга дома?» — спросил он у прислуги. Нина взглянула на подругу, та сидела красная и ошарашенная — видно, не ожидала, что мэтр интересуется ее скромной персоной. Потом Ольга исчезла куда-то на несколько месяцев. Оказалось, она беременна. От кого — не рассказывала, а Нина не стала допытываться — в актерской среде часто случаются романы, а у хорошенькой Ольги вечно куча поклонников! В 1929 году Ольга родила девочку. Нина Николаевна узнала правду, когда роман ее мужа с Пыжовой был уже кончен и у Ольги появился новый возлюбленный — актер Борис Бибииков.

Через несколько часов после того, как между Ниной Николаевной и Василием Ивановичем состоялось тяжелое объяснение, вдруг — как нестати! — приехали Пыжова с Бибиковым. Нина Николаевна так и стояла столбом, пока Ольга целовала ее мокрую от слез щеку: «Фу, какая зареванная! Что, ссорилась с Васенькой? Васенька, стыдись! Впрочем, долой ссоры! Говорят, Пастернак принес тебе новые стихи? Васенька, умоляю, почитай!». «Я их еще не читаю. Так, наброски», — сконфуженно отговаривался Качалов, умоляюще глядя на жену. И та решилась: «Садись, Оля, не мелькай перед глазами. И вы садитесь, Борис Владимирович. Ну что ж, Васенька, читай свои наброски. Гости ждут».

Еще несколько лет маленькая Оля Пыжова жила и воспитывалась у Качаловых, а с матерью виделась от случая к случаю. Потом Ольга Ивановна все же забрала дочь к себе. Где-то в середине 30-х дом, где жили обе Ольги — большая и маленькая, решено было снести. Пыжова бросилась за защитой к Качалову, просила его пойти куда-нибудь похлопотать, чтобы дали хорошую комнату. Василий Иванович просьбу выслушал, в ответ ничего вразумительного не сказал и еще несколько дней попросту прятался от бывшей любовницы. Потом объяснил: «Ты не обижайся на меня, я не могу идти хлопотать. Потому что я все равно буду говорить все не то, что нужно, и меня никто не послушает». Все-таки он был ужасно мягок и нерешителен — во всем, что не касалось искусства... А с квартирой Пыжовой в конце концов помог другой мхатовский корифей — Иван Михайлович Москвин.

С Ниной Николаевной Василий Иванович примирился вполне. Впрочем, возраст брал свое — Качалов заболел диабетом, и жена взяла на себя роль медсестры. Одной из ее главных забот (так же, как и для сестер Качалова — Александры Ивановны и Софьи Ивановны, которые с некоторых пор поселились у него) стало

разыскивать по всей квартире и отбирать у Васеньки мастерски припрятанный алкоголь. Потом была война, эвакуация МХАТа в Тбилиси, решение Вадима идти добровольцем на фронт... Василия Ивановича после отъезда сына словно камнем придавило — даже искусство показалось не таким уж и важным делом... Качалов сидел дома днями напролет, молчал и с мучительной тоской ждал известий от Димы. А писем все не было. Потом выяснилось, что Вадим Шверубович со своей частью попал в окружение — то ли убит, то ли в плену..

Однажды летом 1945 года Качалов вернулся домой после прогулки. В дверях его встретила сестра Александра с каким-то ошалевшим, счастливым лицом: «Вадим приехал! Он жив! Был в плену, в Италии, бежал оттуда, воевал в итальянском партизанском отряде!» И все-таки Качалов был до смешного невозмутим, по крайней мере внешне: он переобулся, повесил на вешалку шляпу и только потом пошел в комнаты — обнимать обожаемого сына, которого считал умершим, но который внезапно оказался живым.

После войны на сцену МХАТа он так и не вышел. Понемногу читал с эстрады русскую поэзию, а еще Гомера по-гречески и Горация на латыни. Читал он и прозу — особенно ему удавались отрывки из «Анны Карениной»... Незадолго до смерти Василия Ивановича на даче Качаловых появилась новая постоянщица — Ольга Фрид, юная студентка Нины Николаевны. 73-летний Качалов влюбился — конечно, совершенно платонически. Каждый вечер он предлагал: «Оленька, проснитесь завтра пораньше, пойдем к реке, я прочитаю вам отрывки из Толстого». Оленька весело отказывалась: «Лучше я, Василий Иванович, подольше посплю». Нина Николаевна все видела, все замечала и тихонько усмехалась: «Он — настоящий Стива Облонский — во всем, что не касается искусства и еще, пожалуй, нашего сына».

Ирина ЛЫКОВА

«Дай, Джим, на счастье лапу мне...» Василий Иванович Качалов со своей знаменитой собакой, которую прославил Сергей Есенин